

„Покорнѣйше просимъ объ угнетеніи нашемъ отъ господина Архіепископа Литовскаго донести Его Императорскому Величеству, потому что мы были, нынѣ есмь и будемъ вѣрноподанными безъ нарушенія нашей совѣсти. Притомъ осмѣливаюсь наекнуть вашему превосходительству и то, чтобы вы, милостивѣйшій государь, не подвергнулись какой-нибудь отвѣтственности, не донося, гдѣ слѣдуетъ о таковомъ случаѣ“.

К. Я. Флиге выдалъ еще 100 р. изъ своихъ денегъ.

На другой день послѣ этой выдачи, губернаторъ изъ Бѣлорусско-Литовской духовной коллегіи получилъ 1078 руб. 71 коп. на содержаніе Курской уніатской обители. Въ это время въ ней находилось уже 22 духовныхъ лица (въ томъ числѣ 15 іеромонаховъ ¹⁾). Узнавъ о присылкѣ денегъ изъ коллегіи, Ленартовичъ писалъ губернатору: „денегъ сихъ станетъ на довольно продолжительное время“.

Въ это время, чрезъ посредство Курскаго губернатора архимандритъ Ленартовичъ посылалъ рапорты на имя архіепископа Іосифа и получалъ отъ него предписанія.

Въ іюнѣ 1840 года губернаторъ послалъ оберъ-прокурору Св. Синода графу Н. А. Протасову слѣдующее любопытное отношеніе: „Вашему сіятельству извѣстно, писалъ онъ, что въ Курскѣ по Высочайшему повелѣнію учреждена обитель для высылаемыхъ изъ западныхъ губерній уніатскихъ духовныхъ особъ. Въ теченіе годичнаго времени управленія моего Курскою губерніей, какъ замѣтить я могъ, оныя особы, составляя въ сей обители собственно одно ихъ общество, по образу мыслей и духу своему, вовсе не подають надежды къ раскаянію въ ихъ заблужденіи, но только лишь обременяють мѣстное гражданское начальство, имѣющее надъ ними надзоръ, безпрестанными своими требованіями, которыя, большею частью, оказываются не заслуживающими уваженія, и требованія эти со стороны ихъ постоянно увеличиваются. Приемля же въ соображеніе, что для сихъ лицъ употребляется 5753 р. въ

¹⁾ Въ мартѣ 1840 года въ Курскую обитель прибыло еще 7 человекъ. Вообще число монаховъ въ ней измѣнялось, такъ какъ время отъ времени нѣкоторые были переводимы въ другія мѣста.

годъ, и хотя деньги сіи высылаются отъ Литовскаго архіепископа, но сіе дѣлается для лицъ, кои, по истинѣ, не заслуживаютъ попеченія и вниманія, я полагаю бы, что полезно было бы размѣстить греко-уніатовъ—по одному, по два—не болѣе, по православнымъ монастырямъ, гдѣ издержекъ на нихъ не будетъ. Мнѣніе мое я основываю на слѣдующемъ примѣрѣ: изъ числа присланныхъ прежде въ Курскую губернію шести человекъ греко-уніатовъ для помѣщенія въ монастыряхъ, по вліянію мѣстнаго духовенства и не будучи подстрекаемы отъ товарищества, двое, принеся раскаяніе, приняли уже православіе и возвращены на мѣста прежняго жительства“.

Кромѣ присылавшихся на содержаніе уніатской обители архіепископомъ Іосифомъ денежныхъ средствъ, настоятель ея получалъ 34 р. въ годъ отъ трокской архимандріи.

Монахамъ Курской обители дозволена была переписка, но только съ тѣмъ, что письма ихъ прочитывались предварительно губернаторомъ. Въ этомъ отношеніи интересенъ тотъ фактъ, что однажды въ письмѣ, пропущенномъ Курскимъ губернаторомъ и адресованномъ въ Минскую губернію, тамошній губернаторъ вычеркнулъ два слова: „Я, писалъ онъ, въ письмѣ зачеркнулъ слова: *временную уніатскую (обитель)*; ибо здѣсь вообще объявлено, что уніи уже болѣе нѣтъ и существованіе такой обители не должно быть извѣстно, а иначе это дало бы поводъ многимъ толкамъ. Прошу при разсмотрѣніи писемъ, уничтожать такія выраженія, которыя могли бы въ здѣшнемъ краѣ возродить толки и взволновать умы недавно возвратившихся въ нѣдра православной церкви уніатовъ“.

Въ августѣ 1840 года, вслѣдствіе дошедшихъ до него слуховъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода сдѣлалъ губернатору запросъ тотъ, правда ли, что духовныя лица, находящіеся въ уніатской обители, отдаются на поруки и бывають въ домахъ помѣщиковъ и если это вѣрно, то какъ долго бываетъ ихъ пребываніе? Губернаторъ отвѣчалъ, что уніатамъ даже не позволяеть отлучаться изъ обители, кромѣ викарнаго, который ходитъ на базаръ для закупки съѣстныхъ припасовъ.